

Анатолий Сидорков

СОРОК СЛОВ

СТИХИ

Анатолий Сидорков

Сорок снов. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41608413

ISBN 9785447494384

Аннотация

Настоящий поэт – это не только дар, данный свыше. Это ещё и неустанная работа над словом. Автор книги умеет на привычные вещи посмотреть под новым необычным углом. Умеет несколькими словами перемещать прошлое, настоящее и будущее – в результате образуется новое поэтическое пространство, которое не хочется покидать

Содержание

Свежесть и прохлада поэтического слова	7
Тихий свет	9
Слово	11
«Я живу в Забайкалье, как ты ...»	12
«Мосты сгорают – это правда...»	13
«Какое великое время!..»	14
«Сопки мои забайкальские...»	15
«Это высшее благо, когда...»	16
«Отец рулил по бездорожью...»	17
«Всё получилось слишком быстро...»	18
«А нам так хочется побыть...»	19
«Она летела на восток...»	20
«На сопках свежесть и прохлада...»	21
ВОЛЧИЦА	22
«А по-над родиной туман...»	24
«Ты была для меня первым словом...»	26
«Ты досталась мне красивая...»	27
«Налей мне, друг, чайку покрепче...»	28
«Село моё родимое...»	29
«Иногда, отчаянно и долго...»	31
ЧИНГИСХАН	32
«Свил себе гнёздышко, как у воробушка...»	34
«Такое множество галактик...»	35

ОКРАИНА	36
ГРЕШНИК	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сорок снов Стихи

Анатолий Сидорков

Редактор Вьюнов Вячеслав

Корректор Вьюнов Вячеслав

© Анатолий Сидорков, 2019

ISBN 978-5-4474-9438-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Свежесть и прохлада поэтического слова

Признаться, я давно ждал появления в забайкальской поэзии нового чистого слова. И этот автор появился – Анатолий Сидорков.

Поэтический сборник, который ты, дорогой читатель, держишь сейчас в руках, второй в литературной жизни Анатолия. Первый вышел в 2009 году, лучшие стихи из которого нашли своё место и на страницах этого издания. Но – какая разница! Видно, как тщательно автор поработал над ними. Настоящий поэт – это не только дар, данный свыше. Это ещё и неустанная работа над словом.

Анатолий умеет на привычные вещи посмотреть под новым необычным углом. Умеет несколькими словами перемещать прошлое, настоящее и будущее – в результате образуется новое поэтическое пространство, которое не хочется покидать.

И всё-таки, чтобы понять настоящая поэзия перед тобой, или нет – необязательно читать всего содержания книги, а достаточно несколько строк. Хотя бы вот таких:

ЧИНГИСХАН

По полю ветер, пыль столбом.

К Онону движется буря.

Я притаился за холмом,
Глаза огромные прищунив.

Или:

На сопках свежесть и прохлада.
Над ними добрый херувим
Пьёт горький кофе с шоколадом,
А я пью виски, рядом с ним.

Поздравляю автора с удачной поэтической книгой. И читателя – с радостью первооткрытия!

ВЯЧЕСЛАВ ВЬЮНОВ, член Союза писателей России.

Тихий свет

Тамаре Игольниковой

Здравствуй, первый мой учитель!
Нет, учительница всё ж.
Говорила: Эх, мучитель,
С мягким знаком пишем РОЖЬ!

Да не ЛОЖЬ, а РОЖЬ и – звонко,
Надрывая голосок,
Объясняла мне ребёнку
Что такое колосок.

И я слушал бесконечно,
Представляя, как пойду
По ржаному полю, к речке,
Где-то в надцатом году.

В классе тихо было очень.
Каждый слушал и внимал
Тем словам, в которых прочно
Ветер времени дышал.

Помню, как вы осторожно
Наклонялись надо мной —

И в лицо дышали РОЖЬЮ,
Небом, воздухом, землёй.

Потому, навеки, в душу
Я занёс себе не ЛОЖЬ,
А то самое, что лучше —
Это родину и РОЖЬ!

Слово

А. Казанцеву

Слово, как лезвие – может резать.
Слово, как лекарь – способно лечить.
Слово и – ангел, пронзающий бездну.
Слово и – демон, порой промолчит.

В слове таится зерно совершенства.
В слове таится прекрасная мысль.
В слове и – горе, и боль, и блаженство,
И вечная жизнь.

«Я живу в Забайкалье, как ты ...»

О. Петрову

Я живу в Забайкалье, как ты —
На задворках великой России,
Где такие же люди, как мы,
Совершенно простые.

Где такие же сосны шумят,
Как в Хабаровске или в Приморье.
И над соснами звёзды горят,
Падая в море.

Где ничто не подвластно годам:
Ни любовь, ни разлука, ни дружба,
За которые жизнь я отдам,
Если так нужно!

И во мне, точно как и в тебе —
Только самые лучшие чувства,
Потому что я вырос в Чите!
Потому что я русский!

«Мосты сгорают – это правда...»

Мосты сгорают – это правда
Я сам не раз сжигал мосты,
Когда чему-нибудь не рад был,
Когда хотелось чистоты.

И презираемый, гонимый,
Я без оглядки шёл туда,
Где было меньше лжи, как дыма!
Где свет и солнце, и вода!

Где ничего не нужно. Только
Понять хоть что-нибудь о том —
Что жги – не жиги, тебе нисколько
Не станет легче за мостом.

«Какое великое время!..»

*Я мечтаю вернуться с войны
На которой родился и рос.
И. Тальков*

Какое великое время!
Какие великие сны!
В которых я тоньше, чем кремень.
Острее иглы.

В которых я голос далёкий
И, первый родившийся гунн,
Идущий по краю эпохи.
Под музыку струн.

Какие великие люди!
Какие дома и сады!
Всё это случится и будет —
Так вижу я сны.

Где, чувствуя ныне живущих,
Скорбящих и оных, во мне
Всё будет: по образу, лучше.
Но, не на войне.

«Сопки мои забайкальские...»

Сопки мои забайкальские.
Речка на север течёт.
Первые ласточки майские.
Друга плечо!

«Это высшее благо, когда...»

Это высшее благо, когда
Ты, корнями проросший в отчизне,
Совершаешь прорывы в года
И уходишь, как лучший, из жизни.

«Отец рулил по бездорожью...»

Отец рулил по бездорожью.
Скрипел наш красный «жигулёк».
Ты помнишь, брат, как пахло рожью?
И над Борзянкой огонёк?

И нам казалось двум подросткам,
Что поле можно перейти,
Но мы не знали, как не просто:
Не поле – жизнь одну пройти!

А помнишь, брат, краюху хлеба?
Когда отламывала нам
В дороге, мама, как от неба —
Свободы всем напополам!

«Всё получилось слишком быстро...»

Всё получилось слишком быстро.
Он растаял. Дрогнул лёд.
И прозвучал последний выстрел:
Хлоп!

Туман, окутавший деревья,
Сползал по веткам до земли,
А в облаках кружили перья.
Твои.

Охотник был довольно молод.
Он не заметил в облаках
Летающих ангелов на город.
Ах!

У Борзи был я очень долго.
Мне было велено смотреть —
Как выходила из двустволки
Смерть.

«А нам так хочется побыть...»

А нам так хочется побыть
Наедине, без лишних третьих,
Чтобы попробовать забыть
Смертельный бой. У нас же дети.

Нам не хватило той земли,
Где есть причалы и вокзалы.
Нам захотелось, чёрт возьми,
Немного чувств, как ты сказала.

И я молчал не потому,
Что был слабее и ничтожней.
Мне показалось одному,
Что ты вернёшься, только позже!

Мне показалось, что вчера
Ты «навсегда» – не говорила,
Что ты вернёшься до утра.
Всё так и было!

«Она летела на восток...»

Она летела на восток,
Затем всё выше-выше-выше.
«Тебя не зря придумал Бог» —
Подумал ангел, сев на крышу.

Он долго всматривался вдаль,
Когда под крышей грубый голос
Спокойно выдавил: «Мне жаль,
Но упадёт невинный волос».

И – со всего размаху дал
Последний выстрел из рогатки
По существу. И убежал:
Трусливый, маленький и гадкий!

«На сопках свежесть и прохлада...»

На сопках свежесть и прохлада.
Над ними добрый херувим
Пьёт горький кофе с шоколадом,
А я пью виски, рядом с ним.

Он молодой и очень скромный.
В глаза не смотрит и молчит.
Вот я напился и безмолвно
Упал на щит.

Небесный воин был непьющим.
Он на щите меня укрыл.
И тихо-тихо нёс сквозь гущи
Непроходимых сил.

ВОЛЧИЦА

В этот июнь и сначала весны
Я засыпаю, как зверь одинокий,
Чуя сквозь сон – липкий запах сосны,
В ветрено-зыбком, но стойком потоке.
Это зимовье, как логово мне —
В нём засыпать тяжелее, однако,
Слышу и лай, и возню на земле.
И выбегаю – ни волк, ни собака!
Вижу, бежит по колючим кустам
Через тайгу молодая волчица.
Эй, – во всё горло кричу ей, мол, там —
Прячут охотники чёрные лица!
Только она всё бежит и бежит.
Мне остаётся – лишь следом за нею,
А впереди – миражи, миражи.
И всё, что имею...
Ноги несут кое-как по холмам.
Мне бы и выдохнуть хочется, очень.
Если она убегает к волкам,
Чтоб оцениться, как надо, по волчи!
То, для чего бегу я? А вдали —
Лают собаки, собаки, собаки.
Так и хотят её взять кобели,
Мерцая во мраке.

Ей очень страшно. Я чувствую – как
Нас разделили какие-то метры.
И, как она, ненавижу собак
В такие моменты!

«А по-над родиной туман...»

А по-над родиной туман.
Из Калбукана до Аргуни
Иду я по большим следам —
Предшественник великих гуннов.

За перевалом тишина,
Стоянки, камни как надгробья.
И степь. И эта глубина,
Взирающая исподлобья.

Ничто не нарушает тон.
Лишь пограничники в бинокли
На берег смотрят, с двух сторон:
У вечности – глаза промокли!

И этот день такой густой.
И, в общем-то, сквозит прохладой,
Но я иду к себе домой,
С одним вопросом: что мне надо?

За перевалом тишина,
Стоянки, камни как надгробья.
И степь во мне, как глубина,
Взирающая исподлобья!

«Ты была для меня первым словом...»

Ты была для меня первым словом.
Ты была для меня первым днём.
Ты была целомудрием новым
И горящим во мраке огнём.

Ты была соловьиною песней.
Ты была первозданной звездой.
Ты была ослепительной, вешней,
Улыбающейся, молодой.

Это всё получилось вначале,
А в конце – ты исчезла, как тень.
Ты была незабудкой печали
И прекрасна, как день!

«Ты досталась мне красивая...»

*Гляжу в тебя, как в зеркало
до головокружения...*

М. Танич

Ты досталась мне красивая.
Ты досталась мне хорошая.
Почему навеки, милая,
Оказалась кем-то брошенной?

Я смотрю в тебя, как в зеркало,
Как в туманное пророчество.
Ручеёк там тонкой змейкою
Льётся в гордом одиночестве.

Потому ли ты печальная,
Что однажды не разгадана?
Ты заря моя хрустальная.
Моё Солнце ненаглядное.

«Налей мне, друг, чайку покрепче...»

А. Егорову

Налей мне, друг, чайку покрепче.
Подкинь брусничного листа,
Или смородины, чтоб вечным
Мои наполнились уста.

Я буду очень осторожно
Пить настоявшийся букет,
Как пьёт из речки зверь таёжный!
Как из бокалов пьёт эстет!

Пусть в котелке бурлит водица.
Огонь для чая – это жизнь.
Холодным чаем не напиться,
Не остудить дурную мысль.

...И, выпив каждый по три кружки,
Мы осушили котелок.
Лишь было слышно, как верхушки
Деревьев, трогал чайный бог!

«Село моё родимое...»

Село моё родимое.
Село моё далёкое.
Среди степей – незримое,
Где небо синеокое.

Где ночи очень разные,
А звёзды ослепительны.
Дороги непролазные.
И мысли, здесь, пронзительны!

Где зимы, по-особому,
Суровые и снежные —
Налитые сугробами,
Но для Сибири – нежные.

Где бегали к Аргуни мы —
Мальчишки, нравом дикие
(сибирские багульники) —
Такие же великие!

И девочки, без умолку
(ургуйки наши местные),
Всё говорили, думая,
Что станут нам невестами.

Всё изменилось. Выросли.
Как будто мир обрушился.
И я проникся мыслями,
И я к себе прислушался.

Внутри не так как хочется,
Ведь я большой, как дерево.
И все зовут по отчеству,
А мне никак не верится.

Глаза лишь закрываются
И даль моя мерещится:
За ней дома скрываются,
Село в тумане плещется.

«Иногда, отчаянно и долго...»

Иногда, отчаянно и долго
Увожу я стаю от облав —
Такова любовь степного волка,
В шуме дней, иную не познав.

И среди сородичей, врачую,
Чаще я, под шкурами волков,
Всем нутром – не близких своих чую,
А паршивых, знаете ли, псов!

ЧИНГИСХАН

По полю ветер, пыль столбом.
К Онону движается буря.
Я притаился за холмом,
Глаза огромные прищуriv.

Бежали волки по песку.
В земле горели аммониты.
И конский топот по виску,
Сопровождающийся криком.

Под гики: Улю-лю-ий-я!
Промчались всадники из войска
Того, о ком подумал я,
К себе прислушавшись: не бойся!

Они заметили, во мгле,
Меня лежачего у камня.
И потащили по земле,
Как провинившегося парня.

А тот, о ком подумал я:
Широкоскулый и могучий —
Слез угрожающе с коня,
Как будто был особый случай...

Мы позже сели у костра,
А этот – самый-самый главный,
Пел о монголах до утра.
И я сидел, как воин равный.

Мне дали стрелы и колчан.
Налили что-то вроде водки.
И я от радости молчал,
Пуская дым из пьяной глотки.

«Свил себе гнёздышко, как у воробушка...»

Свил себе гнёздышко, как у воробушка
И, созидает, счастливый до гробушка!

«Такое множество галактик...»

Такое множество галактик.
Я в бесконечности притих.
О, Ты, могущественный практик,
Прочтёшь однажды этот стих!

В открытый космос выйдут люди
Ещё не раз за тыщи лет.
Тебя прекрасного разбудят.
Ты скажешь: Нет!

ОКРАИНА

Включил сегодня телевизор я,
А там вещают пропаганду ли?
Про власть, полнейшую сюрпризами.
Про хунты, вперемешку с бандами.

О том, что где-то у окраины
Сжигают целыми деревнями.
Лежат солдаты окровавлены
И трупы штатских под деревьями.

А ведь всё это – чья-то родина.
Как и моя – навеки лучшая.
Где самый-самый куст смородины
И всё, что так душевно мучает.

Где всё знакомо – до единого...
Где каждый запах – не придуманный.
Где я шепчу ей: спи родимая,
Пока они не передумали.

...Пока ты выспишься, до осени,
Я буду ангелом хранителем —
Оберегать тебя, на простыни,
От этих странных обвинителей.

И отрекусь от телевиденья.
И буду слушать только радио —
До совершенного предвиденья,
Поняв, что это игры разума.

ГРЕШНИК

Песня, может, и сложилась бы,
Да мотив слагают демоны.
Бьются ангелы стожилые
С ними – чёрные и белые.

А весло скрипит в уключине —
Это лодочник работает.
В лодке стонет новый мученик:
То он ахает, то охает.

- Ты куда меня, не к Богу ли?
- В царство грешников, помучиться.
- Сколько душ там, старче, много ли?
- Посчитать их не получится.

- А возьмёшь ли мзду ты, лодочник?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.